

О. Ю. ДЕМЧЕНКО, канд. психол. наук, старший научный сотрудник
отделения информационного обеспечения населения и технологий
информационной поддержки РСЧС и ПБ, Уральский институт ГПС МЧС
России (Россия, 620062, г. Екатеринбург, ул. Мира, 22; e-mail: olga-dem78@mail.ru)

Ю. С. ГАЗИЗОВА, канд. психол. наук, старший преподаватель кафедры
философии и гуманитарных наук, Уральский институт ГПС МЧС России
(Россия, 620062, г. Екатеринбург, ул. Мира, 22; e-mail: u_s_g@e1.ru)

УДК 159.9:614.8

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА СИТУАЦИИ ПОЖАРНОЙ ОПАСНОСТИ

Проанализированы основные исследования образа ситуации через призму деятельностного, рискологического и информационного подходов. Показано, что ситуация определяется самой личностью, а ситуативные характеристики опосредуются индивидуальным восприятием, в результате чего ситуация представляет собой не что иное как собственно образ ситуации. Исследованы гендерные особенности формирования образа ситуации пожарной опасности. Получены результаты, которые могут быть использованы в разработке дифференцированного подхода в обучении населения мерам пожарной безопасности, в организации информирования населения в чрезвычайных ситуациях, а также в разработке инструкций по пожарной безопасности и проведении инструктажей.

Ключевые слова: образ; восприятие ситуации; гендерные особенности; пожарная опасность; формирование образа ситуации пожарной опасности.

DOI: 10.18322/PVB.2015.24.12.46-52

Обеспечение безопасности людей на пожарах во многом обуславливается характером их действий в зависимости от различных факторов пожароопасной ситуации. К числу таких факторов относится субъективная оценка восприятия человеком сложившейся при пожаре ситуации. При этом содержание образа ситуации пожарной опасности влияет на выбор человеком стратегии его поведения, что во многом определяет роль человеческого фактора в экстремальных условиях.

Следует отметить, что проблема исследования образа ситуации в научной психологии представлена через призму деятельностного (Н. Д. Гордеева, В. М. Девишвили, В. П. Зинченко, Б. Ф. Ломов, Д. А. Ошанин, Е. Н. Сурков), рискологического (Е. А. Белан, А. В. Богомаз, А. П. Герасимчик, Т. М. Краснянская, М. А. Кремень, А. В. Мозговая) и информационного (Е. Ф. Волкова, Г. В. Грачев, Е. Л. Доценко, Е. Д. Павлова) подходов.

Так, с позиции деятельностного подхода образ предвосхищаемой ситуации выступает в качестве определяющего фактора в возникновении микропрограммы двигательного акта. Именно смысловой образ через сличение со сложившимся образом управляет движением на предметном уровне (П. К. Анохин, Н. А. Бернштейн). По мнению А. В. Запорожца, когда у субъекта сложился адекватный образ ситуации и тех действий, которые должны быть выполне-

ны, возникают резкие сдвиги в характере поведения: с появлением образа ситуации ориентированность субъекта не угасает, а напротив, у него появляется новая функция — контроль за выполнением движения путем сличения со сложившимся образом.

Применительно к проблематике инженерной психологии разными авторами был предложен ряд понятий для характеристики образа ситуации. Три из них можно выделить как фундаментальные: *оперативный образ*, *образ-цель* и *концептуальная модель*.

Так, понятие “оперативный образ” в представлении ученых раскрывается как специфический образ объекта, формирующийся в процессе выполнения конкретного действия [1]. Оперативный образ может выступать и как образ очередного действия, отнесенный к задаче (в этом случае ведущей является регулятивная функция), и как образ, отнесенный к объекту (в этом случае когнитивная функция преобладает над регулятивной), и как образ, отражающий общие схемы двигательных актов и конкретные программы действий. При этом именно оперативность обеспечивает эффективную регуляцию субъектом своих действий; тонкую приспособляемость к условиям деятельности; гибкое переключение с отражения одних свойств объектов на отражение других; приведение содержания отражаемого в соответствие с требованиями конкретной задачи.

Понятие “образ-цель” выражает отношение образа к тому результату, ради которого предпринимается деятельность. Цель — это образ, идеальный или мысленно представленный конечный результат деятельности, то, чего еще нет реально, но что должно быть получено в итоге [2, 3].

В образе-цели объект отражается как изменяющийся не сам по себе, а в результате определенной деятельности. Образ-цель “впитывает” прошлый профессиональный опыт человека, включает представление о средствах деятельности, определяет селекцию, интеграцию и оценку информации, а также формирование гипотез и принятие решения. Образ-цель должен сохраняться в течение всего времени выполнения деятельности, иначе возникает ее дезорганизация, что иногда случается при сильных стрессовых воздействиях. Содержание образа-цели определяется через субъективные условия деятельности: мотивы, субъективно-личностное отношение человека к ситуации, определяемое рядом факторов, прежде всего значимостью результатов деятельности для человека (личностным смыслом, по терминологии А. Н. Леонтьева), уровнем сложности задач для данного человека, уровнем его общей и специальной подготовки, внутренней готовностью действовать в данный момент, информационной обеспеченностью (содержанием концептуальной модели и качеством поступающей информации) и т. п.

Наиболее емким является понятие концептуальной модели, предложенное А. Т. Велфордом. Автор раскрывает концептуальную модель как глобальный образ, формирующийся в голове оператора, “хотя такая модель часто груба и не точна, но она все же дает оператору целостную картину и поэтому обеспечивает возможность соотнесения разных частей процесса с целым, а соответственно и действовать эффективно” [4].

В интерпретации В. П. Зинченко [5] в содержание концептуальной модели входит некоторый набор образов реальной и прогнозируемой обстановки, в которой происходит деятельность, а также знание совокупности возможных исполнительских действий и свойств объекта управления. Модель включает также широкое представление о задачах системы, мотивы деятельности, знание последствий правильных и ошибочных решений, готовность к нестандартным, маловероятным событиям. Концептуальная модель характеризуется большой информационной избыточностью, причем актуализируется и осознается в тот или иной момент лишь то предметное содержание образа, которое требуется для решения конкретной задачи управления [6].

В рамках рискологического подхода фокус внимания психологов смещен к рассмотрению проблематики исследований образа ситуации через призму отражения ситуации, “в отношении которой нельзя

изначально установить уровень ее подконтрольности” [7, 8], а ключевыми понятиями являются *риск*, *опасность*, *безопасность*.

Особый интерес в свете обозначенного подхода приобретают исследования, раскрывающие особенности восприятия рисков (У. Бек, А. Вильдавски, Э. Гидденс, К. Дейк, К. Л. Твиггер-Росс), влияние мотивационных структур на восприятие ситуации опасности (Й. Брандтштедтер, А. Восс, К. Ротермундт), особенности формирования субъективного образа ситуации опасности (Е. А. Белан, А. В. Богомаз, А. П. Герасимчик, М. А. Кремень), закономерности принятия решений в условиях неопределенности (Д. Канеман, А. Тверски).

Анализ литературы позволяет утверждать, что поведение человека основано на целом комплексе представлений о безопасности, при этом информация о рисках обрабатывается и интегрируется в когнитивных моделях мира, которые используются людьми для того, чтобы понять природу происходящих вокруг ситуаций и событий. Контекст подобных представлений определяется конкретным опытом субъекта в управлении опасностями, а также его умением предупреждать и предотвращать опасные ситуации. Обобщенные устойчивые представления, отвечающие потребностям, интересам, намерениям, целям и планам человека, определяют характер и содержание восприятия возникновения ситуации опасности. В процессе восприятия ситуации опасности изменяется соотношение модально-качественных, пространственно-временных, предметно-смысловых составляющих информационного содержания образа восприятия. При этом человек осуществляет информационный обмен не только с внешней окружающей средой, но и со своим внутренним психологическим миром [9, 10].

Следует отметить, что когнитивные ресурсы для одномоментной оценки многих рисков ситуации у людей ограничены, поэтому для человека одновременно существует незначительное количество рисков, которые он расставляет по приоритету и потенциалу действия, встраивая их в ментальные представления о мире [11, 12].

В целом информационное содержание перцепта ситуации опасности зависит от уровня мотивации достижения успеха (80,7 %), величины риска (78,4 %) и психоэмоционального состояния субъекта (78,4 %) [13]. При этом, по мнению Е. Ф. Волковой, интегральным показателем восприятия ситуации опасности является величина риска, характеризующая вероятность наступления неблагоприятных последствий, величину последствий, степень личного контроля и прошлого опыта в этой деятельности. В связи с этим при рассмотрении безопасности личности в информационном окружении необходим одновременный

учет информационного и психологического аспектов, важна также психологическая составляющая ее реагирования на воздействия данного компонента среды, что является пока еще малоисследованной областью науки и практики.

Согласно информационному подходу “любое явление сознания (как явление субъективной реальности) есть определенная информация, явленная определенному социальному индивиду” [14]. Еще С. Л. Рубинштейн утверждал, что психика соединяет реальное и идеальное и детерминируется двояко: с одной стороны, внутренним фактором, а с другой — отражаемым (т. е. внешним) фактором.

В широком смысле информационное воздействие понимают как процесс формирования (трансформации) информационного образа мира. Е. Д. Павлова рассматривает информационное воздействие на сознание “как процесс изменения смыслов (знаний, мнений, представлений, понятий, суждений и т. д.) посредством трансформации информационной матрицы сознания” [14]. Содержание образа восприятия ситуации опасности опосредовано воздействием информационного пространства, в рамках которого увеличивающиеся объемы информации обрушиваются на сознание человека и приводят к наполнению его информационного сознания определенными стереотипами, конкретными установками и ценностными ориентациями личности. Данные воздействия изменяют, переструктурируют психологические свойства, состояния и модели поведения личности в ситуациях опасности.

В связи с этим особую актуальность приобретает глубокое исследование влияния индивидуальных факторов на формирование образа ситуации опасности в психологической науке.

Особый интерес для нас представляет проблематика изучения гендерных особенностей¹ формирования образа ситуации пожарной опасности, поскольку именно категории мужчин и женщин являются прямыми участниками чрезвычайных ситуаций. При этом субъективный образ ситуации опасности выступает как фактор дифференциации поведенческих стратегий мужчин и женщин, а основными характеристиками, определяющими их поведение, являются характеристики ситуации, собственно взаимодействие личности и ситуации, а также индивидуальные особенности личности субъекта. Так, ситуация определяется самой личностью, а ситуативные характеристики опосредуются индивидуальным восприятием, в результате чего ситуация представляет собой не что иное как собственно образ ситуации.

¹ *Гендерные особенности* — совокупность специфических психологических и физиологических особенностей мужчин и женщин.

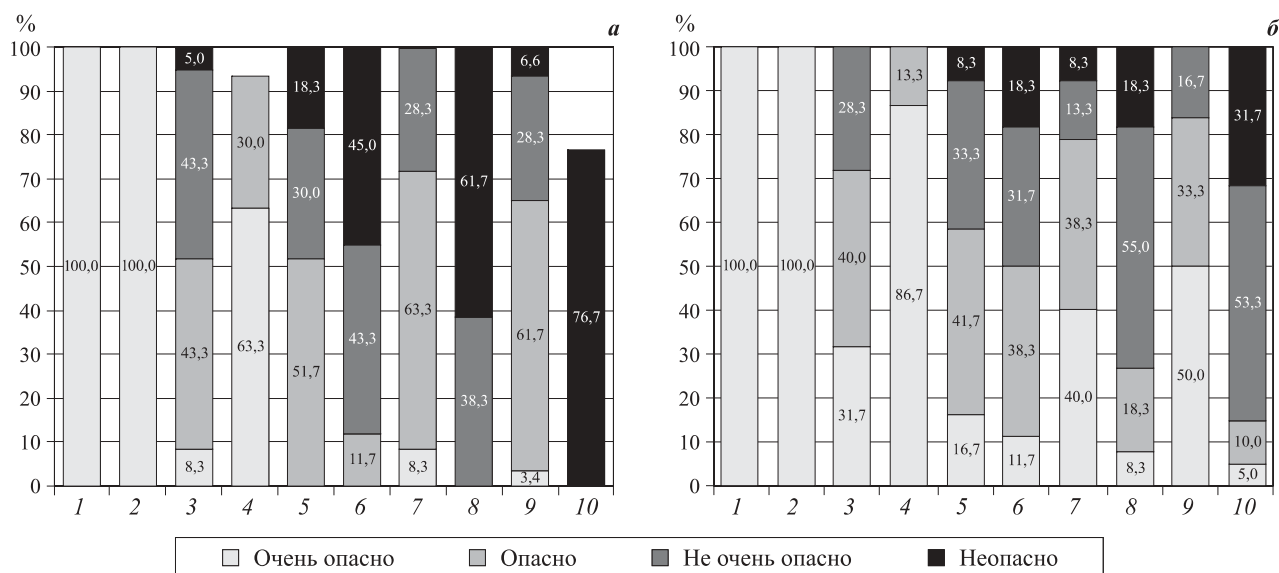
В рамках исследуемой проблематики нами проведена опытно-поисковая работа по изучению гендерных особенностей формирования образа ситуации пожарной опасности. В исследовании приняли участие 120 респондентов, из них 60 мужчин и 60 женщин в возрасте от 25 до 45 лет. Выборка является репрезентативной по своему составу.

Эмпирическое исследование проводили в два этапа. На первом этапе с помощью диагностического инструментария, в состав которого входили модифицированный вариант методики “Кто я?” (М. Кун), семантический дифференциал (Ч. Осгуд), анкета “Образ ситуации пожарной опасности” (О. Ю. Демченко, Ю. С. Газизова), изучали содержательную наполненность образа ситуации пожарной опасности.

На данном этапе респондентам предлагалось дать до 20 определений ситуации пожарной опасности (*ситуация пожарной опасности — это...*). При этом акцент делался на том, что отвечать надо быстро, не задумываясь, и указывать первые пришедшие в голову ассоциации с данным понятием. В ходе исследования испытуемым также предлагалось представить себя в ситуации пожарной опасности и оценить свое состояние в ней путем соотнесения с одной из фиксированных точек шкалы, заданной полярными по значению признаками: “опасно — неопасно”, “определенность — неопределенность”, “упорядоченность — хаос”, “осведомленность — незнание”, “привычность — новизна”, “реальность — ирреальность”, “комфорт — дискомфорт”, “уверенность — неуверенность”, “покой — беспокойство”, “ориентация — дезориентация”, “готовность — неготовность”, “рациональность — иррациональность”, “бесстрашие — страх”, “отчаяние — надежда”, “смелость — трусость”, “сила — слабость”, “действие — бездействие”. Диапазон шкалы между противоположными значениями воспринимался респондентами как непрерывный континуум градаций выраженности значений — от средней нулевой точки к различной степени одного или противоположного ему признака. Семь градаций были обозначены словами (“никак”, “слабо”, “средне”, “сильно”), что соответствовало градации шкалы.

В ходе анкетирования респонденты оценивали личный опыт столкновения с различными ситуациями пожарной опасности, свою роль в них (очевидец/свидетель, пострадавший, наблюдатель, специалист), а также давали оценку степени опасности конкретным, предложенным в инструментарии ситуациям. Полученные в ходе исследования результаты были подвергнуты количественному анализу.

В ходе анализа нами были обнаружены различия в оценке мужчинами и женщинами ситуаций пожарной опасности и степени их риска. Так, установлено, что склонность оценивать ситуацию как

Оценка мужчинами (а) и женщинами (б) ситуаций пожарной опасности: 1 — горит проводка в одном из бутиков торгового центра; 2 — в жилом доме взорвался газовый баллон; 3 — дымит торфяник; 4 — дома оставлен невыключенным электроприбор; 5 — горит сухая трава вдоль проезжей трассы; 6 — садоводы сжигают мусор на одном из участков коллективного сада; 7 — вблизи гаражей дымит заброшенный сарай; 8 — люди на отдыхе в лесу жарят шашлыки, курят сигареты; 9 — дети на заброшенной стройке балуются спичками; 10 — в новогодний вечер горят свечи на праздничном столе

очень опасную в большей степени выражена у женщин, чем у мужчин. При этом из перечня предложенных нами ситуаций (см. рисунок) женщины чаще оценивают как очень опасные следующие ситуации: “дома оставлен невыключенным электроприбор” — 86,7 % (мужчины — 63,3 %), “дети на заброшенной стройке балуются спичками” — 50 % (3,4 %), “вблизи гаражей дымит заброшенный сарай” — 40 % (8,3 %), “дымит торфяник” — 31,7 % (8,3 %).

Выявленную нами закономерность можно проследить и в других ситуациях, однако она не является столь ярко выраженной. Мужчины идентичные ситуации оценивают по-разному: одни — как опасные (“дымит торфяник” — 43,3 % (женщины — 40 %); “дома оставлен невыключенным электроприбор” — 30 % (13,3 %); “горит сухая трава вдоль проезжей трассы” — 51,7 % (41,7 %); “вблизи гаражей дымит заброшенный сарай” — 63,3 % (38,3 %); “дети на заброшенной стройке балуются спичками” — 61,7 % (33,3 %); другие — как не очень опасные (“дымит торфяник” — 43,3 % (женщины — 28,3 %); “садоводы сжигают мусор на одном из участков коллективного сада” — 43,3 % (31,7 %); “вблизи гаражей дымит заброшенный сарай” — 28,3 % (13,3 %)). Обращает на себя внимание и тот факт, что в мужской выборке часть респондентов оценивает те же самые ситуации как неопасные: “горит сухая трава вдоль проезжей трассы” — 18,3 % (женщины — 8,3 %); “садоводы сжигают мусор на одном из участков коллективного сада” — 45,0 % (18,3 %); “люди на отдыхе в лесу жарят шашлыки, курят сигареты” — 61,7 % (18,3 %); “дети на заброшенной стройке балуются

спичками” — 6,6 % (0); “в новогодний вечер горят свечи на праздничном столе” — 76,7 % (31,7 %). Таким образом, результаты проведенного анализа свидетельствуют о том, что мужчины склонны занижать степень значимости ситуации пожарной опасности, а женщины, наоборот, преувеличивать.

Выявленные причины обнаруженных закономерностей, по нашему мнению, требуют дальнейшего изучения.

На втором этапе данные, полученные в ходе обработки результатов модифицированной методики “Кто я?” (М. Кун) и семантического дифференциала (Ч. Осгуд), были подвергнуты статистическому анализу. В основу анализа заложена оценка значимости различий с использованием непараметрического критерия Манна–Уитни (U)². Достоверность различий оценивалась на 5 %-ном уровне значимости. В результате нами определены значимые половые различия в содержательном наполнении образа. Среди противоречивых взглядов респондентов были выделены их установки на смысловую интерпретацию образа ситуации пожарной опасности, а также различия в способах репрезентации образа и его пространственно-временной организации.

Так, в представлении мужчин содержание образа ситуации пожарной опасности наполнено обобщенными ценностно-смысловыми характеристиками, интерпретирующими его через призму понятий “чрезвычайная ситуация” ($U = 9975$; $p_{\text{корр}} = 0$), “угроза”

² Для обработки результатов исследования использовалась интегрированная система для комплексного статистического анализа и обработки данных в среде STATISTICA 6.1.

($U = 9975$; $p_{\text{корр}} = 0$), “неприятная ситуация” ($U = 10350$; $p_{\text{корр}} = 0$), “опасность” ($U = 9807,50$; $p = 0,04$) ($p_{\text{корр}}$ — отражает показатели с учетом корректировки, p — без учета корректировки). При этом оказалось, что для мужчин в большей мере характерна тенденция к целостному восприятию образа и его однородному наполнению.

Необходимо также указать на выявленную нами в ходе исследования у мужчин тенденцию к отражению исследуемого образа в настоящем времени, т. е. в контексте “здесь и сейчас”, его функционально-ролевому кодированию и репрезентации через призму поведенческих паттернов, ориентированных на поиск средств спасения, способов и вариантов выхода из чрезвычайной ситуации. Так, среди предложенных мужчинами характеристик наиболее значимыми являлись: “эвакуация” ($U = 9000$; $p = 0$), “действие” ($U = 7829,5$; $p = 0,0$), “быстрая реакция” ($U = 9426,50$; $p = 0,01$), “самосохранение” ($U = 9281$; $p = 0$), “спасение близких” ($U = 9366,5$; $p = 0,0$), “выход из ситуации” ($U = 9361,5$; $p = 0,0$), “помощь пострадавшим” ($U = 10125,00$; $p_{\text{корр}} = 0,04$), “01” ($U = 9358,5$; $p = 0,0$), “ведро с песком” ($U = 9202,5$; $p = 0,0$), “пожарный рукав” ($U = 9179$; $p = 0$), “пожарная охрана” ($U = 9358$; $p = 0$), “пожарный автомобиль” ($U = 9461,00$; $p = 0,04$).

Представленные характеристики отражают направленность мужчин на прогнозирование вероятности достижения желаемого результата, выбор рискованной деятельности, принятие решения на основе всех информационных данных, выбор путей, средств и способов реализации рискованного поведения.

Для женщин характерно наполнение образа понятийными характеристиками “катастрофа” ($U = 9975,00$; $p_{\text{корр}} = 0,02$), “хаос” ($U = 9150$; $p = 0$), “безысходность” ($U = 9530,50$; $p = 0,01$), “беспомощность” ($U = 8960,5$; $p = 0,0$), вызывающими, по мнению респондентов, многообразие аффективных реакций и состояний. Наиболее популярными среди них являются характеристики “переживания” ($U = 9283,5$; $p = 0,0$), “тревога” ($U = 8693,5$; $p = 0,0$), “страх” ($U = 9156,5$; $p = 0,0$), “беспокойство” ($U = 9723,00$; $p = 0,03$). Достаточно выраженными являются также параметры “отсутствие поддержки”

($U = 8559$; $p = 0$), “плохо” ($U = 9681,50$; $p = 0,02$), “что делать?” ($U = 9675,00$; $p = 0,02$), “где дети?” ($U = 10275$; $p_{\text{корр}} = 0$), “собрать документы” ($U = 10275$; $p_{\text{корр}} = 0$), “дом горит” ($U = 7962,5$; $p = 0,0$), “сгорела коляска” ($U = 9540,50$; $p = 0,01$), “ожоги” ($U = 9173,50$; $p = 0,01$), “дым” ($U = 9822,00$; $p = 0,04$), “ремонт” ($U = 10530,50$; $p = 0,01$). При этом для женщин характерна тенденция к дифференцированному восприятию образа ситуации пожарной опасности, диффузному фрагментарному характеру наполнения содержания, его эмоционально-оценочному кодированию и репрезентации через призму аффективных, не связанных между собой характеристик, отражающих описание деталей ситуации, прогнозирование возможности возникновения негативных последствий, нарушение временного контекста ситуации (фиксация на прошлом опыте, выстраивание будущих перспектив развития ситуации), обострение чувства беспомощности перед ситуацией и страха за детей, имущество, потерю жизненной перспективы.

Целесообразно подчеркнуть, что полученные авторами результаты согласуются с положениями общей концепции гендерных различий в половой дифференциации мозга, в контексте которой специфика восприятия поступающей извне информации у мужчин и женщин неоднозначна, а доведение для данных категорий одной и той же по смыслу информации предполагает разные способы аргументации [15]. Так, для мужчин рационально доведение информации с основным акцентом на структурно-логическую составляющую, для женщин — на образную и эмоциональную. Хотя, конечно, возможно и совмещение данных способов формирования информационного потока, особенно коротких информационных материалов.

Полученные результаты могут быть использованы в разработке дифференцированного подхода в обучении населения мерам пожарной безопасности, в организации информирования населения в чрезвычайных ситуациях, а также в разработке инструкций по пожарной безопасности и проведении инструктажей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ошанин Д. А. Предметное действие и оперативный образ : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. — М. : Изд-во АПН СССР, 1973. — 42 с.
2. Ломов Б. Ф., Сурков Е. Н. Антиципация в структуре деятельности. — М. : Наука, 1980. — 279 с.
3. Инженерная психология: Теория, методология, практическое применение / Под ред. Б. Ф. Ломова, В. Ф. Рубахина, В. Ф. Венда. — М. : Наука, 1977. — 304 с.
4. Welford A. T. On the human demands of automation: Mental work conceptual model, satisfaction and training // Industrial and business psychology. Copenhagen. — 1961. — Vol. 5. — P. 74–81.
5. Гордеева Н. Д., Девишвили В. М., Зинченко В. П. Микроструктурный анализ исполнительской деятельности (методы и результаты). — М. : ВНИИТЭ. 1975. — 174 с.

6. Эргономика. Принципы и рекомендации. — М. : ВНИИТЭ, 1970. — Вып. 1. — 246 с.
7. Краснянская Т. М. Безопасность человека: психологический аспект : учебное пособие / Под ред. А. В. Непомнящего. — Ставрополь : ЗАО “Пресса”, 2005. — 216 с.
8. Белан Е. А. Субъективный образ ситуации как фактор дифференциации поведенческих стратегий личности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. — 2011. — Вып. 4. — С. 53–60.
9. Witkin H. A. Perception of body position and of the position of the visual field // Psychological Monographs: General and Applied. — 1949. — Vol. 63, No. 7. — P. 1–46. DOI: 10.1037/h0093613.
10. Siegrist M., Gutscher H. Flooding risks: a comparison of lay people’s perceptions and expert’s assessments in Switzerland // Risk Analysis. — 2006. — Vol. 26, No. 4. — P. 971–979. DOI: 10.1111/j.1539-6924.2006.00792.x.
11. Елимова М. Ю., Мозговая А. В. Рискология и рисковая коммуникация: проблемы, методы, перспективы // Риск в социальном пространстве / Под ред. А. В. Мозговой. — М. : Институт социологии РАН, 2001. — С. 79–94.
12. Engelkamp J. Multimodal approach to the issue of mental representations / J. Engelkamp & M. Denis. — Centre d’Étude de Psychologie Cognitive, 1989. — Doc. No. 65. — P. 1–23.
13. Волкова Е. Ф. Формирование зрительного образа восприятия в условиях риска : дис. ... канд. психол. наук. — Новосибирск, 1997. — 157 с.
14. Павлова Е. Д. Сознание в информационном пространстве. — М. : Academia, 2007. — 688 с.
15. Информационно-коммуникативные технологии обеспечения безопасности жизнедеятельности : монография / Под общ. ред. П. А. Попова. — М. : ФГУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2009. — 272 с.

Материал поступил в редакцию 17 июля 2015 г.

Для цитирования: Демченко О. Ю., Газизова Ю. С. Гендерные особенности формирования образа ситуации пожарной опасности // Пожаровзрывобезопасность. — 2015. — Т. 24, № 12. — С. 46–52. DOI: 10.18322/PVB.2015.24.12.46-52.

English

GENDER FEATURES OF FORMATION OF THE FIRE DANGER SITUATION IMAGE

DEMCHENKO O. Yu., Candidate of Psychological Sciences, Senior Researcher of Department of Information Providing for Population and Information Supports Technologies of RSChS and Fire Safety, Ural State Fire Service Institute of Emercom of Russia (Mira St., 22, Yekaterinburg, 620062, Russian Federation, e-mail address: olga-dem78@mail.ru)

GAZIZOVA Yu. S., Candidate of Psychological Sciences, Senior Lecturer of Philosophy and Humanities Department, Ural State Fire Service Institute of Emercom of Russia (Mira St., 22, Yekaterinburg, 620062, Russian Federation; e-mail address: u_s_g@el.ru)

ABSTRACT

Value judgment of human perception of the situation which developed at the fire scene is one of the major factors defining a line of conduct of the person in an emergency. Character of an assessment allows to define ingenuity degree of a situation and risk; choose appropriate decisions, ways, means and ways of realization of risky behavior, predict negative consequences possibility.

It is represented the analysis of the theoretical and methodological grounds in research of a fire danger situation image problem. It is established that activity, riskology and information approaches are major in research of this perspective. It is proved that gender features of formation of a fire danger situation image influence its main characteristics. Thus there is the tendency for men to complete image perception, its reflection in the context of the present and its representation through a prism of the behavioral patterns focused on search of means and ways of escaping an emergency situation. Women behavior is characterized by diffusion fragmentary filling of an image, its emotional and estimated coding and representation through a prism of the affective, not connected characteristics reflecting violation of a temporary context of a situation, forecasting of negative consequences

possibility, sharpening of helplessness before a situation and fears for children, property, loss of life project.

The received results can be used in development of the differentiated approach in training of in fire safety measures for population, the organizing the informing of the population in emergency situations, and also in development of fire safety instructions.

Keywords: image; situation perception; gender features; fire danger; formation of fire danger situation image.

REFERENCES

1. Oshanin D. A. *Predmetnoye deystviye i operativnyy obraz: avtoref. dis. d-ra psikh. nauk* [Subject action and operational image. Abstr. dr. psychol. sci. diss.]. Moscow, Publishing House of APN of the USSR, 1973. 42 p.
2. Lomov B. F., Surkov E. N. *Antitsipatsiya v strukture deyatel'nosti* [Anticipation in activity structure]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 279 p.
3. Lomov B. F., Rubakhin V. F., Venda V. F. (eds). *Inzhenernaya psikhologiya: Teoriya, metodologiya, prakticheskoye primeneniye* [Engineering psychology: Theory, methodology, practical application]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 304 p.
4. Welford A. T. On the human demands of automation: Mental work conceptual model, satisfaction and training. *Industrial and business psychology*, Copenhagen, 1961, vol. 5, pp. 74–81.
5. Gordeeva N. D., Devishvili V. M., Zinchenko V. P. *Mikrostrukturnyy analiz ispolnitel'noy deyatel'nosti (metody i rezultaty)* [Microstructural analysis of executive activity (methods and results)]. Moscow, VNIITE Publ., 1975. 174 p.
6. *Ergonomika. Printsipy i rekomendatsii* [Ergonomics. Principles and recommendations]. Moscow, VNIITE Publ., 1970, issue 1. 246 p.
7. Krasnyanskaya T. M. *Bezopasnost cheloveka: psikhologicheskiy aspekt. Uchebnoye posobiye* [Safety of the person: psychological aspect. Manual]. A. V. Nepomnyashchiy (ed.). Stavropol, Pressa Publ., 2005. 216 p.
8. Belan Ye. A. Subyektivnyy obraz situatsii kak faktor differentsiatsii povedencheskikh strategiy lichnosti [The subjective image of situation as a factor of personality behavioural strategy differentiation]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta — I. Kant Baltic Federal University*, 2011, no. 4, pp. 53–60.
9. Witkin H. A. Perception of body position and of the position of the visual field. *Psychological Monographs: General and Applied*, 1949, vol. 63, no. 7, pp. 1–46. DOI: 10.1037/h0093613.
10. Siegrist M., Gutscher H. Flooding risks: a comparison of lay people's perceptions and expert's assessments in Switzerland. *Risk Analysis*, 2006, vol. 26, no. 4, pp. 971–979. DOI: 10.1111/j.1539-6924.2006.00792.x.
11. Elimova M. Yu., Mozgovaya A. V. Riskologiya i riskovaya kommunikatsiya: problemy, metody, perspektivy [Riskology and risk communication: problems, methods, prospects]. In: *Risk v sotsialnom prostranstve — Risk in Social Space*. A. V. Mozgovoy (ed.). Moscow, Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences Publ., 2001, pp. 79–94.
12. Engelkamp J. *Multimodal approach to the issue of mental representations*. Centre d'Étude de Psychologie Cognitive, 1989, doc. no. 65, pp. 1–23.
13. Volkova E. F. *Formirovaniye zritel'nogo obraza vospriyatiya v usloviyakh riska. Dis. kand. psikh. nauk* [Formation of a vision perception in the risk conditions. Cand. psychol. sci. diss.]. Novosibirsk, 1997. 157 p.
14. Pavlova E. D. *Soznaniye v informatsionnom prostranstve* [Consciousness in information space]. Moscow, Academia Publ., 2007. 688 p.
15. Popov P. A. (ed.) *Informatsionno-kommunikativnyye tekhnologii obespecheniya bezopasnosti zhizne-deyatelnosti: monografiya* [Information and communicative technologies of life activity safety. Monograph]. Moscow, Russian Research Institute for Civil Defense and Emergencies Publ., 2009. 272 p.

For citation: Demchenko O. Yu., Gazizova Yu. S. Gendernyye osobennosti formirovaniya obraza situatsii pozhar'noy opasnosti [Gender features of formation of the fire danger situation image]. *Pozharovzryvobezopasnost — Fire and Explosion Safety*, 2015, vol. 24, no. 12, pp. 46–52. DOI: 10.18322/PVB.2015.24.12.46-52.